

УДК 81'1+81'373

Слипецкая В.Д.

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ЭМОЦИЙ: АРХАИЧЕСКИЕ И ИННОВАЦИОННЫЕ СРЕДСТВА

В статье речь идет о вербализации отрицательных эмоций, некоторых новых проявлениях коммуникативного поведения, формировании новой русской языковой личности, преимущественно настроенной на конфликтную коммуникацию, новые речевые стандарты: чрезмерное использование заимствований, грубой лексики, неестественных восклицаний, тональности, своеобразное проявление "фонетики и грамматики эмоций".
Ключевые слова: вербализация, негативные эмоции, коммуникативное поведение, языковая личность, речевые стандарты.

Слипецка В. Вербалізація негативних емоцій: архаїчні та інноваційні засоби. В статті розглядається вербалізація негативних емоцій, деяких нових проявів комунікативної поведінки, формування нової російської мовної особистості, налаштованої на конфліктну комунікацію, нові мовленнєві стандарти: надмірне використання запозичень, вульгарної лексики, неприродній вигуків, тональності, своєрідний появ "фонетики і граматики емоцій".

Ключові слова: вербалізація, негативні емоції, комунікативна поведінка, мовна особистість, мовленнєві стандарти.

Slipetska V. Verbalization of Negative Emotions: Archaic and Innovative Means. The article focuses on verbalization of negative emotions, some manifestation of a new communicative behaviour, formation of a new Russian language personality, that represents inclination to a conflict communication, new speech standards: excessive use of borrowings, vulgarisms, unnatural interjections, tonality, a special manifestation of the so called "Phonetics and Grammar of emotions".

Key words: verbalization, negative emotions, communicative behaviour, language personality, speech standards.

В современном обществе прослеживается этническая, политическая, экономическая напряженность, проявляющаяся в отношениях власти и народа, разных народов, а также в межличностных взаимоотношениях людей. Это напряжение выражается в чрезмерном проявлении человеческих эмоций, среди которых чаще проявляются отрицательные. Они вербализуются вследствие возникновения конфликтных ситуаций, своеобразно реализуясь в современном коммуникативном пространстве.

Все сказанное аргументирует актуальность исследований, посвященных изучению особенностей репрезентации эмоций, лингвофилософской категории оценки. В современном языкознании указанные аспекты последовательно и всесторонне разрабатывают такие ученые, как А. Вежбицкая, В. Жельвис, А. Загнитко, В. Карасик, Т. Космеда, В. Крысин, Ю. Сорокин, И. Стернин, В. Шаховский и др., в частности А. Вежбицкая исследовала специфику вербализации эмоции гнева, жалости и др. на материале немецкого, русского, польского и английского языков [10], а другие из перечисленных исследователей – на материале русского или украинского языков.

"Современная наука, – как отмечает В. Шаховский, – обладает достаточным количеством знаний, а дискурсивная практика подтверждает, что человек не только *Homo sapiens*, но и *Homo sentins*, поскольку многими его действиями руководят эмоции"[10, 7]. Некоторые ученые даже выдвигают гипотезу о том, что вербальная коммуникация первично была представлена в виде некоего эмоционального образа, который, вероятно, в процессе порождения мысли первично актуализировался в эмоционально-оценочном компоненте значения (А. Бине, Р. Браун, К. Изард, В. Шаховской). Таким образом, можно утверждать, что вербальную коммуникацию всегда сопровождает эмоциональная коммуникация, проявляющиеся в единстве.

Отметим также, что каждая лингвокультура, без сомнения, является уникальной, оригинальной, единственной в своем роде. И эта уникальность специфически представлена в вербально-дискурсивной форме, прежде всего в аспекте репрезентации эмоций. Специфическая оригинальность или уникальность предопределяет и выбор соответствующих языковых средств, контактов, и выбор способа соответствующих противодействий или противостояний этим контактам. За данным выбором скрываются вербально-дискурсивные праформы, которые не совпадают в лингвокультурных сообществах, что приводит к узуальной вариативности вербального и невербального поведения, потенциальной конфликтности, поскольку варианты праформ являются фильтрами, через которые "просеиваются" мотивы,

аффективно-эмотивная и когнитивная установки [7]. Праформам противостоят и новые проявления вербализации эмоций, на сегодня должным образом не исследованные.

Цель этого научного разыскания – рассмотреть некоторые тенденции вербализации эмоций в современном коммуникативном пространстве, что способствует выработке новых коммуникативных стандартов, речевых норм, приводит к изменению коммуникативной эмоциональной компетенции языковых личностей, трансформации их речевого портрета.

Психологи утверждают, что эмоции практически не выражаются в изолированном виде, вне языка: они вербализируются, как правило, совокупно, включая, например, группу эмоций гнева – недовольство, раздражение, возмущение, ненависть, ярость, негодование (К. Изард).

Специфическим признаком системности при категоризации эмоций является, как известно, их бивалентность, например, любовь и ненависть могут овладеть человеком одновременно, что подтверждается большим количеством примеров из коммуникативных ситуаций. Полярность в соотношении эмоций по типу оценки (*положительная / отрицательная*) отражена прежде всего в лексической системе языка как в сфере номинации эмоций (*любовь / ненависть*), так и в сфере их выражения (*замечательный / ужасный*).

Сегодня уже доказано, что с помощью языка человек может не только описывать, называть и выражать свои эмоции, но и их скрывать, имитировать, симулировать и под. Эмоции можно измерять при помощи параметров их интенсивности, силы, продолжительности, искренности и др., что выражается определенными лексическими, словообразовательными, грамматическими и фонетическими языковыми средствами. Известно также, что сфера сознания, охваченная эмоциями, количественно выражается тремя измерениями: *удовольствие – неудовольствие, расслабление – напряжение, спокойствие – возбуждение*. Эти параметры В. Шаховский называет осями, на которых базируется эмоциональный опыт человека [10, 11].

Проблемы, связанные с человеческими эмоциями, имеют давнюю традицию исследования. В соответствии с многочисленными концепциями эмоции рассматривают как многомерное явление. Известно также, что люди моделировали соответствующие словесные формулы, словесные комплексы, позволяющие говорящему избавиться от энергетического напряжения, "сбросить" эмоции, прежде всего отрицательные.

Специфическая энергия, необходимая для инстинктивных действий, как отмечают современные исследователи, постоянно накапливается в нервных центрах, а при накоплении достаточного количества этой энергии, может произойти взрыв, даже при полном отсутствии раздражителя. Разъясняя возможные случаи негативного выброса эмоций, К. Лоренц применяет понятие "переориентация" агрессии (термин Н. Тинбергена), размышляя о том, что такие действия, как *битье посуды, размахивание руками, порча мебели* – это уникальные способы изменения направления или ориентации агрессии, известные и используемые человечеством с древних времен. В языкознании существует мнение и о том, что проявление эмоций определяет своеобразный стиль мышления человека и его речи.

Сегодня никто уже не сомневается, что человеческая агрессия – это явление мирового масштаба. В настоящее время, как представляется, нет общества, в котором бы в какой-либо степени не проявлялась агрессия, однако реализация агрессии имеет, как совершенно справедливо отмечают исследователи, и межкультурные отличия, что выражается прежде всего в возможностях ее репрезентации. З. Фрейд убедительно доказал, что человек не может длительное время сдерживать свою агрессию, раздражение, гнев, ярость, бешенство, держать их под контролем. Осознавая опасность агрессии, каждое общество стремится направить ее в безопасное русло и вырабатывает для этого специальные средства, планирует соответствующие вербальные действия. Среди эффективных языковых средств выделяют инвективы, а также междометия, эмоционально-усилительные наречия, прилагательные и под.

Експериментально доказано, что психика, сознание, мышление и речь тесно взаимосвязаны, и в каждом языке есть эмотивные знаки, с помощью которых вербализуется, т. е. отражается и выражается, эмоциональное отношение человека к окружающей среде и к себе. В современной науке для этого даже выработан термин "эмоциональный интеллект", т. е. способность человека управлять своими эмоциями в каждой конкретной ситуации.

Базовые эмоции, как известно, являются универсальными, их различают все этнокультуры, однако различаются и формы их проявления. Собственно ментальность русских, украинцев и создала проклятье как специфическую форму для вербализации отрицательных эмоций, о чем уже неоднократно отмечала автор данной статьи.

Проявление эмоций зависит не только от этнической принадлежности, но и от возраста, пола, социального статуса говорящего, уровня образованности и других социальных факторов. Формы проявления эмоций со временем меняются, в частности, для снятия агрессии украинцы и русские издавна использовали речевую формулу проклятия. Их считали соответствующими стереотипами, использующимися в ситуациях проявления негативных эмоций с разной степенью интенсивности, силы. Проклятье относится к очень эффективным формам снятия эмоционального напряжения – это специальное выражение, паремия, которая наполнена исключительно прагматической информацией, средство, которое используется с целью нейтрализации отрицательных эмоций, но иногда направлено и на их порождение. Все эмоции дискурсивны, а для их выражения прежде всего используют дискурсивные слова или выражения. Таким образом, проклятье имеет статус дискурсивного выражения, например: *Тому лопни глаз, хто не любить нас* [9]; *Майся до першої смерті!* [9]; *Пропадай он весь и с начинкою и потрохами!* [9]; *А допуст божий би на тебе впад!* [8, 44]; *Щоб тебе качка копнула!* [8, 327]; *Иди в погану годину!* [8, 327].

Однако в современной речи русских и украинцев языковые единицы этого типа, к сожалению, используются все реже. Их

вытеснили инвективы, мат, грубая лексика, выражающаяся в речи молодого поколения и являющаяся неотъемлемой единицей сленга. Сегодня прослеживаем наличие большого количества специализированных словарей эмоциональной (нецензурной) лексики, толковые словари также содержат инвективы; художественная литература, театр, телевидение сняли табу на использование вербальной агрессии как способа самовыражения личности.

По мнению В. Жельвиса, "инвектива – это осознанно грубое нарушение социальных запретов, вызванное необходимостью снять прежде всего психологическое напряжение. Можно искать и другие способы выхода негативной энергии, но вербализация агрессивных эмоций, без сомнения, сохранится в обществе, хотя, возможно, и обретет другие формы» [2].

Отметим также, что ученые давно выделили закономерность: эмотивов с отрицательной оценочной семантикой в словарях разных языков в количественном отношении больше, чем с положительной, однако, как отмечает В. Шаховский, употребляются они в процессе общения реже. Это позволяет сделать вывод о том, что эмоциональные системы различных народов и культур одинаковы: негатив, преобладающий в их лексиконе, "пропускает вперед" позитивность в процессе употребления и синтагматического комбинирования, что объясняется универсальным психологическим стремлением человечества к взаимопониманию в общении.

Еще одна закономерность, проявляющаяся в процессе сравнения различных лингвокультур, заключается в том, что положительные эмоции выражаются всеми народами более тождественно и диффузно, чем негативные, которые всегда конкретны, четко очерчены и многолики [10, 18]. Однако анализ современного коммуникативного пространства несколько опровергает такие утверждения.

Отрицательные эмоции у человека вызывает прежде неизвестность или нестабильность, что и характерно для нынешнего русского и украинского общества. Подобные ситуации преимущественно мотивируют актуализацию эмоций страха,

ужаса, беспокойства, например: *Леший бы тебя задил* [9, 725]; *Лихо тому, кто неправду творить кому!* [9, 1376]; *А щоб ти не діждався ночі!* [8, 34]; *Щоб твоїм духом тут не пахло!* [8, 102]; *А кусав би тебе кремень!* [8, 441].

Эмоции – это разновидности человеческих страстей, пронизывающие все сферы жизни человека и проявляющиеся на всех уровнях языка, поэтому не только лексика языка, но и фонетика, и грамматика также обладают эмоциональными обертонами. "Грамматика эмоций" разрабатывает вопросы "эмоционального синтаксиса" и "эмоциональной морфологии" (аффиксация, грамматические формы слов в тексте) [5]. "Фонетика эмоций" изучает эмоциональную интонацию, которая реализует не только коммуникативную, но и эмоциональную функцию. Известно, что интонация отражает культуру и эксплицирует образованность и воспитанность говорящих. Она выражает все оттенки настроения и эмоциональных состояний, является носителем коммуникативных смыслов и средством психологического воздействия на человека. С ее помощью можно создавать образы. Не вызывает никакого сомнения тезис об идентификация нации через язык и через национальные интонации (ср. интонацию китайского или русского языков, испанского и грузинского, украинского и итальянского). Аргументом в пользу этого тезиса является то, что и интонации меняются "на наших глазах". Данный тезис касается, например, речи дикторов, телеведущих, которая деформируется под влиянием американской интонационной речевой нормы. Очевидно, это негативный процесс в становлении новой фонетической нормы. Он влияет и на эмотивную компетенцию языковых личностей в украинском обществе.

В метаязык современной коммуникативной лингвистики справедливо введен термин "эмотивная компетенция" языковых личностей, что проявляется в их умении порождать в соответствующих дискурсивных практиках эмотивно корректные тексты; критерием эмоциональности и общественной зрелости каждой языковой личности, очевидно, может служить способность адекватно воспринимать личностные, эмоциональные доминанты чужих текстов, дискурсов; другими словами,

способность к отражению концептосфер других личностей и других культур [10, 23].

Составной коммуникативной эмотивной компетенции является эмоциональный дейксис – это исходная эмоциональная позиция субъекта речи, которая создается в результате взаимодействия таких параметров, как эмотивная интенция, модальность, направленность эмоций, тональность. Комбинирование различных значений параметров эмоционального дейксиса предопределяет существование эмотивных высказываний, специфических для каждой из таких комбинаций, и позволяет выделить отличия в речевом поведении языковых личностей [10, 23].

В процессе моделирования портрета русской и украинской языковой личности следует актуализировать два подхода – диахронический и синхронический. Портреты будут разными собственно и благодаря различиям в формах вербализации эмоций. Наши современники уже не вербализируют свои повседневные эмоции привычными возгласами типа: *Матушка! Батюшка! Простите!* и под. Зато слышим – *Унс! Окей! Coppу! Ував! Вау! Ауч!* (образованы от английских *Oops! O'K! Sorry! Vow! Ouch!*). Приведенные заимствованные междометия не соответствуют фонетическим нормам русского и украинского языков, но их все равно активно используют в современной речи. Вместо удельных русских слов-оценок вроде *хороший, добрый, замечательный, прекрасный* слышим *супер, класс* или *классный, круто* либо *крутой, кул* и под. (от английских *Super! Cool!*). Все это сопровождается чужими невербальными средствами – жестами, осанкой, движениями и под.

Прослеживаем еще одну тенденцию, проявляющуюся в современном коммуникативном пространстве, – представление гендерных коммуникативных особенностей. Женщины стремятся показать себя "более совершенными, лучшими", чем они являются на самом деле. В данном случае речь идет о чрезмерной манерности их поведения. Понятие манерности, неискренности, напыщенности граничит с понятием кокетства. Женщины обычно стараются произвести хорошее впечатление, для этого иногда пытаются унизить собеседника, что также

приводит к проявлению признаков конфликтной коммуникации, накоплению отрицательных эмоций. Украинцы и русские используют и гендерную специфику британской гиперкорректности произношения: женщины стараются говорить как можно более четко, а мужчины – как можно тише [3, 36].

В украинском и русском коммуникативном пространстве распространено слово, которое используют преимущественно женщины для описания поведения или внешности манерного человека – взрослого или ребенка: "*Ути-пути-пути!*". Языковой статус этой единицы не считают устоявшимся. Это такое же звукоподражательное слово, как, например, "*хрясь!*", но оно содержит презрительную тональность [3, 43].

Приходим к выводу, что методика описания современного коммуникативного пространства должна базироваться на последовательной характеристике актуализированных аксиологически маркированных вербальных средств, которые представляют такие принципы, как "экономия и эмпфаза, мелиоративность и пейоративность, эвфемизации и табуирование, аффективность и эффективность", что является ничем иным, как конкретизацией постулатов Грайса и Лича" [7, 10].

Таким образом, речевое поведение – это, безусловно, осознанная и неосознанная система поступков, раскрывающих характер и образ человека, а ментальные стереотипы – это определенные установки и привычные реакции, приобретаемые языковыми и неязыковыми формами и характеризующие языковую личность. Если стереотипы доминируют, то они характеризуют языковой коллектив или даже всю лингвокультуру сообщества. В современных русских и украинских лингвокультурах, в коммуникативном пространстве прослеживается формирование вульгарной языковой личности, исчезновение позитивной коммуникативной эмоциональной компетенции, языкового чутья как системы неосознанных оценок, отражающих языковые идеалы и языковой вкус нации – систему установок человека, речевого коллектива в целом относительно языка и речи и их проявления в современном коммуникативном пространстве. Возможно, необходимо возрождать соответствующие

национальные стереотипы коммуникативного поведения с привлечением в речь соответствующих национальных языковых формул для воспитания людей с новым "эмоциональным интеллекттом". Изучение этого вопроса и составляет перспективу данной работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание : [моногр.] / А. Вежбицкая. – М. : Русские словари, 1997. – 416 с.
2. Жельвис В. И. Эмотивный аспект речи. Психолингвистическая интерпретация речевого воздействия. – Ярославль : Гос. пед. ин-т, 1990. – 81 с.
3. Карасик В. И. Речевое поведение и типы языковых личностей // Массовая культура на рубеже XX – XX веков: Человек и его дискурс. Сборник науч. трудов / Под ред. Ю. А. Сорокина, М. Р. Желтухиной; ИЯ РАН. – М. : "Азбуковник", 2003. – С.24–45.
4. Космеда Т. А. Аксіологічні аспекти прагмалінгвістики : [моногр.] / Т. Космеда. – Львів : Львівський національний ун-т імені І. Франка, 2000. – 349 с.
5. Филимонова О. Е. Язык и эмоции в английском языке. Когнитивный и коммуникативный аспекты: монография. – СПб, 2001. – 268 с.
6. Крысин В. И. Языковая норма: жесткость vs толерантность // Массовая культура на рубеже XX – XX веков: Человек и его дискурс. Сборник науч. трудов / Под ред. Ю. А. Сорокина, М. Р. Желтухиной; ИЯ РАН. – М. : "Азбуковник", 2003. – С. 57–60.
7. Сорокин Ю. А. Человек говорящий в его модусах и отношениях (обзор-дискуссия) // Массовая культура на рубеже XX – XX веков: Человек и его дискурс. Сборник науч. трудов / Под ред. Ю. А. Сорокина, М. Р. Желтухиной; ИЯ РАН. – М. : "Азбуковник", 2003. – С.7–23.
8. Франко І. Я. Галицько-руські народні приповідки: [у 3т.] / [зібрав, упорядкував і пояснив д-р. Іван Франко] – Львів : ВЦ ЛНУ ім. І. Франка, 2006. – [2-е вид.]. – Т. 1 – 818 с. – Т. 2. – 813 с. – Т.3. – 699 с.
9. Даль В. И. Толковый словарь, режим доступа <http://slovardalia.net>.
10. Шаховский В. И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. – М. : Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2010. – 128 с.